

DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224
УДК 821.161.1

Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя

© 2019, И.А. Виноградов

Аннотация: Статья посвящена определению места Гоголя в противостоянии славянофилов и западников. Привлекается обширный историко-литературный материал для характеристики славянофильского и западнического течений русской мысли, анализируются отдельные черты их сходства и различий. Главное внимание уделяется отношению к обеим идеологиям самого Гоголя. Рассматриваются взгляды ведущих представителей славянофильства, друзей писателя: С.Т. Аксакова, его сыновей Константина и Ивана, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, М.П. Погодина, С.П. Шевырева и др. Выявляются «точки соприкосновения» воззрений славянофилов со взглядами их оппонентов-западников: В.Г. Белинского, А.И. Герцена и др. В XIX в., развивавшемся главным образом под знаком декабризма, радикальными преобразовательными идеями были охвачены не только деятели западнического лагеря, но и славянофилы. Устанавливается, что принципиальная особенность Гоголя как мыслителя и художника заключается в том, что по своим взглядам он находился не «между» противоборствующими течениями — «между стульями» западничества и славянофильства (как это обычно принято думать), — но «над» тем и другим движениями, будучи носителем более традиционных и консервативных, более «правых» религиозно-политических убеждений, сравнительно не только с западниками, но и со своими приятелями-славянофилами. Не разделяя взгляды далеких от него по мировоззрению адептов западничества, определенные претензии Гоголь предъявлял и к отдельным представителям славянофильской партии, к которой принадлежал сам. Возражая на оппозиционные настроения друзей, Гоголь вслед за Н.М. Карамзиным и С.С. Уваровым во главу угла славянофильства ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность. Это дает основание охарактеризовать Гоголя в контексте общественных движений его эпохи как убежденного славянофила-«государственника».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, славянофильство, западничество, интерпретация, герменевтика, духовное наследие

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ИМЛИ РАН, Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Цитирование: Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 189–224. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224

Одной из актуальных задач изучения гоголевского наследия является давняя нерешенная проблема — определение места Гоголя в противостоянии славянофилов и западников. Вопрос этот тем более насущен, что писатель жил в эпоху становления и активного развития обеих идеологий. Отсутствие внятного представления о том, как оценивать наследие Гоголя в этом широком контексте, долгое время создавало, с одной стороны, иллюзию изолированности писателя, изъятости его из полемики славянофилов и западников, с другой, — породило мнение, будто Гоголь находился «между» двумя современными течениями, пытаясь якобы примирить «достоинства» обоих направлений.

О примирении всех русских людей во Христе Гоголь, действительно, размышлял начиная с самых ранних своих произведений. Об этом свидетельствуют сами эти произведения — «Страшная месть», «Тарас Бульба», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и др.¹ Однако это всегдашнее христианское стремление Гоголя к прекращению раздоров не имеет ничего общего со старанием «приблизить» писателя, под этим предлогом, к западнической идеологии. Мягкое, примирительное отношение к западникам определялось не этим, а заповедью «с кротостью наставлять противников, [...] чтобы они освободились от сети диавола» (2 Тим. 2, 25–26), — глубоким убеждением писателя, что «обратить [...] грешника ко Господу — [...] настоящая милость, за которую [...] можно надеяться получения небесного блаженства»². (Ср. Иак. 5, 19–20.)

В определении места Гоголя в полемике славянофильства и западничества чрезвычайно показательна эволюция взглядов на этот счет известного деятеля русской эмиграции, профессора протопресвитера Василия Зеньковского, почти полвека посвятившего изучению гоголевского наследия. Поначалу, в одной из своих ранних работ (1916), Зеньковский вообще отрицал наличие у Гоголя «славянофильской» проблематики. Зато впоследствии (1926, 1961) протоиерей Василий Зеньковский называл Гоголя не просто славянофилом, но «зачинателем» славянофильского течения русской мысли³.

¹ См.: *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванях к замыслу «Мертвых душ» // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология.* 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С. 51–67.

² *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009. Т. XIV. С. 48. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // *Проблемы исторической поэтики.* Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 55, 60.

Само формирование славянофильства и западничества было во многом обязано произведениям Гоголя — прежде всего выходу в свет повести «Тарас Бульба» (1835), восторженно встреченной не только С.П. Шевыревым и М.П. Погодиным, но и молодым В.Г. Белинским. Впоследствии эта повесть способствовала становлению национального самосознания славянства⁴. Современная Гоголю историография почти игнорировала славян, и сама славянская история оставалась в то время в значительной мере неизученной. За изучение истории славянства Гоголь принялся уже в конце 1820-х — первой половине 1830-х гг.⁵ — на несколько лет раньше А.С. Хомякова, который к составлению своей «Семирамиды» приступил лишь после обнародования известного «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Не меньшее значение имела публикация в 1842 г. первого тома «Мертвых душ», полемика о котором Константина Аксакова и Белинского явилась *первым* публичным актом размежевания двух лагерей.⁶ Яркое выраженный славянофильский, анти-западнический характер носит итоговая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), — что очень хорошо понял сразу по ее выходе Белинский, впавший по этому поводу в «негодование и бешенство» (письмо к В.П. Боткину от 28 февраля 1847 г.)⁷.

Среди многочисленных свидетельств, указывающих на то, что Гоголь принадлежит к кругу славянофилов, наиболее показательной — и наиболее упоминаемой при рассмотрении этого вопроса — является в «Выбранных местах...» статья «Споры». Здесь Гоголь, призывая современников, «староверов и нововеров», к прекращению бесконечных споров, тем не менее со всей определенностью утверждает, что правды, «разумеется», «больше» на стороне славянофилов, чем западников. По словам Гоголя, западники «давно бы готовы были [...] отступиться» от своих убеждений, «сами начинают слышать многое», но «упорствуют» — только потому, что «не желают уступить слишком раскозырявшейся» противоположной стороне — «восточникам» (VI: 51–52).

⁴ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Комментарий // Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания; Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2009. С. 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606.

⁵ См. подробнее: *Виноградов И.А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М., 2016. С. 141–183.

⁶ См.: *Виноградов И.А.* Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчї студїї. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 340.

В еще одной статье «Выбранных мест...», «О лиризме наших поэтов», Гоголь, подразумевая стихи Ивана Аксакова⁸, недвусмысленно выступает в защиту славянофилов, возражая против критического мнения о них В.А. Жуковского, полагавшего, будто «нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию» (VI: 40). Поправляя Жуковского, Гоголь замечает: «Зачем же ни Франция, ни Англия, ни Германия не заражены этим поверьем и не пророчествуют о себе, а пророчествует только одна Россия?» (VI: 41).

Среди других свидетельств, проясняющих славянофильские взгляды Гоголя, следует указать на то, что в письме к С.Т. Аксакову Гоголь, работая над вторым томом «Мертвых душ», сообщал, что круг идей, занимающих славянофилов, волнует его не менее самого Константина Аксакова — старшего из аксаковских сыновей, отличавшегося наиболее радикальными взглядами (XV: 88; письмо от 8 июня 1848 г.).

Весьма значимым в этом ряду является также откровенно *восторженное* одобрение Гоголем в 1845 г. антизападнического стихотворения Н.М. Языкова «К ненашим», адресованного Т.Н. Грановскому, А.И. Герцену и, предположительно, П.Я. Чаадаеву. В 1846 г.⁹ Гоголь включил это стихотворение в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» с названием «К нерусским» (VI: 337). В начале февраля 1845 г. Гоголь писал Языкову в ответ на присланное стихотворение: «Сам Бог внушил тебе прекрасные и чудные стихи “К не нашим”. Душа твоя была орган, а бряцали по нем другие персты. Они [...] сильнее всего, что у нас было писано доселе на Руси» (XIII: 29). В следующем письме к Языкову, от 12 февраля (н. ст.) 1845 г., Гоголь, имея в виду западника Александра И. Тургенева, брата декабриста Николая Тургенева, добавлял: «Тургенева видел раз и в другой мельком: он несет дичь. [...] Стихи твои “К не нашим” произвели такое же впечатление, как на меня самого, на моих знак[омых], т. е. на гр[афинь] Виельгорских и на гр[афа] [А.П.] Толстого, которые от них без ума, но Тургенев, кажется, закрутит [слишком] нос, а, может быть, даже и чихнет» (XIII: 30).

Отмечено, что «слово “ненаш” для читателя прошлого века предполагало дополнительный смысл, зафиксированный в волжских говорах и присутствующий в словаре Даля»: «”Ненаш — нечистый, недруг, лукавый, бес”. И в ходу была поговорка: “А *ненаш* его знает...” Сле-

⁸ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 5: 1845–1847. М., 2018. С. 259.

⁹ Там же. С. 176–177.

довательно, уже по названию это стихотворение прямо соотносилось с другим названием — «Бесы»¹⁰.

В 1847 г. Ф.Ф. Вигель сравнил, по содержанию, с языковским стихотворением «К ненашим» гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» (XIV: 240).

Само по себе показательно то, что все друзья Гоголя были исключительно из славянофильского и консервативного лагеря. Западник П.В. Анненков, который некоторое время жил с Гоголем в Риме, другом ему так и не стал. Гоголь относил Анненкова к «господам, до излишества живущим в Европе» (XV: 443).

Между Гоголем и его друзьями-славянофилами возникали подчас и существенные разногласия по отдельным вопросам. Однако, как выясняется, порождались эти расхождения вовсе не симпатиями Гоголя к западнической идеологии, но, напротив, сугубой приверженностью писателя к традиционным взглядам — тем, что обсуждаемые проблемы он решал с еще более консервативной точки зрения. Сравнительно с воззрениями друзей, Гоголь отличался и большей религиозностью и, к тому же, как художник, обладал большей широтой и глубиной охвата явлений общественной жизни. Вследствие этого в полемике с приятелями Гоголь оказывался еще большим славянофилом, чем его оппоненты из того же лагеря. К примеру, значение для упрочения народного быта перевода В.А. Жуковского «Одиссеи» Гомера или такую же роль публикации «Домостроя» протопопа Сильвестра Гоголь ставил так высоко, что считал появление этих изданий делом куда более важным, чем отвлеченные рассуждения друзей о славянских началах. Аксаковы, как известно, весьма критично отнеслись к обеим книгам — и к переводу Жуковского (см.: XIII: 457)¹¹, и к изданию «Домостроя»¹².

Определенно «правее» своих друзей-славянофилов Гоголь был и в собственно политических взглядах. Хорошо известно, что славянофильству была присуща изрядная доля оппозиционности. В.Г. Белинский в письме к П.В. Анненкову 1848 г. замечал: «...Лучшие из славянофилов смотрят на народ совершенно так, как мой [...] друг [М.А. Бакунин]; они высосали эти понятия из социалистов, и в статьях своих цитируют

¹⁰ Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 332.

¹¹ Ср.: Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. Т. 2. М., 2012. С. 588, 602–603, 607, 651, 798, 849, 913; Пирожкова Т.Ф. Примечания // Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М., 1988. С. 633.

¹² См.: Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 383–384.

Жоржа Занда и Луи Блана»¹³. Позднее, в 1864 г., Д.Н. Свербеев указывал, что именно «доктрина славянофилов, без их ведома, изобрела порох для огнедышащих против России орудий другой доктрины, доктрины Бакуниных, Огаревых, Герценов, Михайловых, Чернышевских и т. д., дала им в руки самые лучшие спички для их поджогов, приспособила самые прочные колеса для того паровоза, на котором Бакунин, Огарев и проч. желают мчать нас в пропасть, вместо той загадочной тележной тройки, в которой ухарски хотел прокатиться с нами Гоголь; его телега так и осталась не запряженной, а революционный паровоз уже скачет...»¹⁴

Ф.Ф. Вигель в 1847 г. обращался к самому Гоголю: «Мне кажется, вы где-то (в статье “Споры”. — И.В.) говорите о двух станах, о Славянистах и Европистах... [...]; я тоже что-то такое слышал, только не совсем так. Утверждают, что есть две какие-то партии, но ничего не упоминается ни о станах, ни о вражде, ни о ратоборстве. [...] ...У этих скакунов [...] одна цель, но только две разные дороги... [...] Эти две параллельные линии так близко одна от другой и так дружно бегут, что без напряженного внимания трудно одну от другой отличить. [...] Кто несет католицизм, кто гегелизм, кто коммунизм, кто во что горазд. Всё хладнокровно горячится, всё бредит Европой, всё прославляет ее, смешивает Россию с грязью...» (XIV: 241).

Сын Н.А. Полевого, Петр Николаевич Полевой, в 1887 г., в свою очередь, отмечал: «...Те партии, на которые наше общество сороковых годов распалось так резко и так определенно, смотрели на Гоголя одинаково благоприятно... [...] ...Его [...] сатира [...] пришлась всем по вкусу. [...] Недовольство современною русскою действительностью [...] было общим не только среди крайних и умеренных западников, но и среди славянофилов; при этом недовольстве [...], как у западников, так и у славянофилов, были уже наготове для будущего теоретически выработанные планы переустройства русской жизни; у западников они опирались на парламентаризм и последнем слове европейской политической и экономической науки, а у славянофилов на [...] идеализации древнерусских и народных начал»¹⁵.

На это же обстоятельство указывал еще в 1847 г. князь П.А. Вяземский — тоже применительно к творчеству Гоголя: «Что люди, провозглашающие наобум какое-то учение западных начал, искали в Гоголе союзника и оправдателя себе, это еще понятно. [...] Но что те, которые отказываются и предохраняют нас от влияния чужеземного, что те, кото-

¹³ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. С. 468.

¹⁴ *Симонова И.А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 198.

¹⁵ *Полевой П.Н.* Век нынешний и век минувший. (Из очерков будущей истории литературы) // Исторический вестник. 1887. № 4. С. 182–183.

рые хотят, чтобы мы шли к усовершенствованию своим путем, [...] чтобы те самые радовались картинам Гоголя, это для меня непостижимо»¹⁶.

Оппозиционно, порой почти революционно настроенное славянофильство, хотя внешне и черпало свой протест из будто бы духовных начал — из гегельянства и даже из православия, тем не менее объективно часто смыкалось с тогдашним отрицательным направлением. Идеалы, даже самые высокие, для многих тогдашних мыслителей служили лишь предлогом, подручным оправданием радикального неприятия современности. Известная оппозиционность к существующему порядку вещей отличала в XIX в. не только «европистов», но и «восточников». Будучи приверженцами начал православия и народности (и гораздо реже самодержавия), славянофилы именно поэтому часто были недовольны реальным течением дел на практике. Критика «справа» порой нечувствительно, но прочно смыкалась с критикой «слева»¹⁷. Даже С.П. Шевырев, ожидавший от Гоголя в последующих томах «Мертвых душ» «изображения высокой и прекрасной стороны жизни», был в целом согласен, хотя и с оговорками, с критическим пафосом первого тома. В 1887 г. И.С. Некрасов свидетельствовал: «У меня был в руках тот экземпляр, по которому в первый раз прочел “Мертвые души” Шевырев. Экземпляр весь испещрен был знаками восклицания и словами одобрения, но не было ни одного критического замечания»¹⁸.

Именно от своих приятелей-славянофилов из числа наиболее радикальных Гоголь, в частности, мог слышать доброжелательный отзыв о западнике А.И. Герцене. Об этом отзыве он упомянул в 1847 г. в письме к П.В. Анненкову: «Я слышал о нем [Герцене] очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке» (XIV: 439–440). В свою очередь, Герцен в 1850 г. замечал: «...Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»¹⁹.

Брошюра Герцена «О развитии революционных идей в России», откуда взяты эти строки, была встречена Гоголем крайне неодобрительно. В отличие от своих фрондирующих друзей «подать руку» западникам на *таком* основании Гоголь не мог. Свое отношение к теории, способной,

¹⁶ *Вяземский П.А., князь*. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские ведомости. 1847. № 90, 24 апр. С. 418.

¹⁷ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. Вып. 1. М., 2007. С. 99–134.

¹⁸ *Некрасов И.С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // Некрасов И.С. О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса, 1887. С. 34.

¹⁹ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 248.

по мнению Герцена, объединить славянофилов и западников, Гоголь вполне обозначил в 1847 г. в неотправленном письме к Белинскому, говоря о «нынешних ком[м]унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние» (XIV: 388). Это же отношение Гоголь передал в упоминании во втором томе «Мертвых душ» об агитационном тезисе «каких-то бродяг», внушавших мужикам, будто «наступает такое время, что мужики должны [быть] помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики» (V: 476–477). Ни «социалистические» взгляды западников, ни оппозиционные настроения друзей-«восточников» Гоголь не разделял.

Отдельные расхождения Гоголя со славянофилами порой проявлялись даже на бытовом уровне. Так, несмотря на дружбу, чрезвычайно непростые отношения складывались у Гоголя с Константином Аксаковым. Взаимная отчужденность возникла между ними еще в 1840 г. — и сохранялась, вследствие разногласий, почти десятилетие. Доходило до того, что в 1849 г. Гоголь, вернувшийся в 1848 г. из-за границы, не был приглашен на именины К.С. Аксакова (21 мая), а двумя неделями ранее сам Константин Аксаков не явился на именины Гоголя (9 мая). В этот период Ольга Семеновна неоднократно жаловалась сыну Ивану, что Гоголь постоянно «говорит Консте (старшему сыну Константину. — *И.В.*) очень резкие вещи» — даже «оскорбляет» его (см. письма О.С. Аксаковой к сыну от 28 ноября 1848 г. и от апреля 1849 г.²⁰). 28 ноября 1848 г. сам Константин Аксаков сообщал брату: «...Столкновения мои с Гоголем часто неприятны; в его словах звучит часто ко мне недоброжелательство и оскорбительный тон»²¹.

Суровое отношение Гоголя к К.С. Аксакову носило, судя по всему, принципиальный характер. Оно было связано с их острым спором о значении для России единогодержавия. В «монархическом», чрезвычайно важном для Гоголя вопросе Аксаковы выступали единым фронтом против писателя — вполне «в ногу» со своим давним приятелем Белинским (переехавшим в 1839 г. в Петербург). Так, Ивана Аксакова «смущали» «похвалы дому Романовых» в гоголевской статье «О лиризме наших поэтов» в «Выбранных местах...»²². Вполне поддерживал сыновей Аксаков-отец, с которым они делились своими мнениями. Главное неприятие Аксаковых вызывали в гоголевской статье строки о «верховном Про-

²⁰ Гоголь в неизданной переписке современников (1833—1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 715–716.

²¹ Там же. С. 715.

²² См.: Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. С. 347–348. См. также: Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 919.

мысле, который [...] явно слышен в судьбе нашего отечества», — слова, сказанные в непосредственной связи с убеждением, что «все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного» (VI: 40, 46). В апреле 1848 г. Константин Аксаков в статье «Голос из Москвы», возражая на эти строки, заявлял: «...Россия *никогда не обоготворяла* Правительства [...], считая первостепенным делом *Веру* и спасение души... [...] Но [...] часть России, увлекшаяся Западом, [...] поклонилась пред Правительством, как пред кумиром... [...]. Я разумею здесь [вовсе не либералов только [...], но] всех, которые следуют какому бы то ни было Западному направлению, [...] всех, которые [...] оторваны от народа, теряют Русские основы быта и потому поневоле связаны с Западом и могут пойти его путем»²³. В письме к самому Гоголю К.С. Аксаков замечал: «Во всё, что вы писали [...] в книге вашей [...], вижу я [...] *ложь*. [...] ...Вы дошли до невероятных положений [...]. Таково письмо ваше к Жуковскому [“О лиризме наших поэтов”], письмо, так сильно противоречащее, по-моему, Вере Православной. [...] Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе» (XV: 81–83)²⁴.

Хотя, в отличие от Белинского, Аксаковы возражали на религиозно-политические взгляды Гоголя вроде бы с тех же духовных позиций, однако дела это не меняло. По уже отмеченному свойству критики, она приобретала единое направление, откуда бы изначально ни исходила, «слева» или «справа». Примечателен вывод, сделанный из споров с Аксаковыми А.О. Смирновой в письме к Гоголю 1847 г.: «Ненависть к власти, к общественным привилегиям, к высокому рождению и богатству — такова-то отвлеченная страсть к идеальному русскому, таящемуся в борде, — вот начало этих господ» (XIV: 165).

В 1852 г. в славянофильском «Московском сборнике» была опубликована некрологическая заметка И.С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе». 9 мая 1852 г. министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов по поводу этой публикации писал попечителю Московского учебного округа В.И. Назимову: «...Кто дал сочинителю статьи

²³ Аксаков К.С. Голос из Москвы. (1848). Западная Европа и народность. [1849] / Подгот. текстов и примеч. В.А. Кошелева // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. СПб., 1992. [Вып. 1]. С. 297–305.

²⁴ Статья К.С. Аксакова «Голос из Москвы» предназначалась для распространения; сохранилось шесть ее автографов. И Гоголь, очевидно, был знаком с ней. К.С. Аксаков в письме к брату Г.С. Аксакову писал: «Как жалею я, что Иван не взял с собою моей статьи “Не сотвори себе кумира (голос из Москвы)”»; эта статья дала бы вам ясное понятие о моих гражданских мыслях» (Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. С. 308).

право клеймить всё современное общество печатью пошлости и ничтожества, от которых будто бы из наболевшей души Гоголя вырывались мучительные стоны. Судить по героям *Мертвых Душ* о целом Русском обществе — есть верх несправедливости, никому не дозволительной. [...] ...Сочинитель статьи не только безотчетно чернит всё современное общество, по его мнению, пошлое и ничтожное, но утверждает даже, что в нем не было ни одной светлой стороны, которая могла бы послужить Гоголю средством примирения с ним. Вот до чего доводит необдуманное желание возвысить Гоголя! [...] ...Статья под заглавием “Несколько слов о Гоголе” [...] безотчетным расточением выходящих из всякой меры похвал Гоголю [...] накидывает тень подозрения на его намерения и действия, которого покойный писатель наш не заслужил ни жизнью, ни христианскою своею кончиною...»²⁵

Примеры оппозиционности со стороны славянофилов, проявления их политического радикализма довольно многочисленны; эту свою отличительную черту они демонстрировали неоднократно²⁶. В конце 1845 г. Ю.Ф. Самарин не без иронии писал Константину Аксакову об их общих московских беседах: «Мы вели такие разговоры, [...] что не идти на другой день на Петербург войною значит дать шаг назад и уронить себя в общем мнении»²⁷. Даже И.В. Киреевский в 1855 г., к тому времени уже прочно связавший свою жизнь с Оптиной пустыней, принимавший участие в оптинских изданиях творений святых отцов, в письме к князю П.А. Вяземскому, говоря о покойном императоре Николае I, обличал его вполне по-герценовски: «...Хвалить его [государя] [...] за покровительство и сочувствие к просвещению и словесности — то же, что хвалить Сократа за правильный профиль. [...] Гоголю царь дал несколько денег на бедность, не зная хорошо, кто такой Гоголь, и не для него, а для тех, кто за него просили. Когда имя Гоголя и его громкое значение в нашей литературе сделались известными, то даже память о нем преследовалась как вещь, враждебная правительству. Спросите об этом Ивана Тургенева и Ивана Аксакова»²⁸.

Вопреки заявлениям Киреевского, сам Гоголь вряд ли согласился бы с такой интерпретацией отношений к нему монарха, — ни в изложении

²⁵ Дело о посмертном издании сочинений Гоголя // Литературный музей: Цензурные материалы I-го отд. IV секции Государственного архивного фонда / Под ред. А.С. Николаева и Ю.Г. Оксман. Т. 1. Пг., [1921]. С. 100, 102.

²⁶ Подробнее об известной «оппозиционности» к существующему положению вещей не только «европистов», но и «восточников» см.: *Виноградов И.А.* Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе. С. 35–69.

²⁷ Сочинения Юрия Федоровича Самарина: [в 12 т.] Т. 12: Письма, 1840–1853. М., 1911. С. 152.

²⁸ Цит. по: *Гиллельсон М.* Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // *Русская литература.* 1966. № 4. С. 132.

Киреевского или Аксакова²⁹, ни тем более со слов западника Тургенева³⁰. Будучи гораздо более основательным, чем его друзья, последователем славянофильского учения, Гоголь хорошо разбирался в разнообразных течениях этого общественного движения, отчасти нами сегодня подзабытых. Наибольший контраст гоголевским взглядам представляло славянофильство польских националистов, во главе с А. Мицкевичем. С этой ветвью славянофильства едва не смыкалось в негативном отношении к России отечественное западничество. Между тем сами славянофилы, в том числе московские, ощущали себя во многом принадлежащими к «единому» полю славянофильства. Тот же Самарин в начале апреля 1847 г. писал А.С. Хомякову: «Я узнал, что дано *весьма секретное* приказание схватить Чижова, Савича и Кулиша, как скоро они переедут нашу границу, запечатать всех их бумаги и препроводить их под надзором жандарма в Петербург. [...] ...Весьма может быть, что доберутся и до нас. [...] ...Как бы предупредить Чижова и прочих»³¹. — Спровоцированные тогда деятельностью Украина-славянского общества гонения на славянофилов затронули Ф.В. Чижова, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и самого Самарина. Упомянутые Самариним в письме Н.И. Савич и П.А. Кулиш, вместе с Т.Г. Шевченко и др., состояли в этом Украина-славянском обществе (организаторы называли свой кружок Обществом Святых Кирилла и Мефодия), объединявшем сепаратистски настроенных по отношению к российской государственности украинских славянофилов. В частности, в 1847 г., будучи за границей, Савич передал главе польских славянофилов А. Мицкевичу поэму Шевченко «Кавказ».

В отличие от славянофильского оппозиционного «единодушия» взгляды Гоголя как убежденного славянофила отличались не только от воззрений западников, но и от позиции более близких ему по духу современников. Не только над западным польским славянофильством, но и над сепаратистки ориентированным украинским славянофильством земляка О.М. Бодянского³², и над оппозиционной, критически

²⁹ См.: Виноградов И.А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22; Виноградов И.А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // Studia Litterarum. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

³⁰ См.: Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49–124.

³¹ Сочинения Юрия Федоровича Самарина. Т. 12. С. 422.

³² Виноградов И.А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н.В. Гоголь, А. Мицкевич и О.М. Бодянский // Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2017. С. 69–77; Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207. Как указывал позднее И.И. Срезневский, «выбор задачи» для защищенной в 1837 г. в Московском университете диссертации О.М. Бодянского «О народной

настроенной к «дому Романовых» частью московского славянофильства (Аксаковы), — над всеми этими друзьями и знакомыми из круга славянофилов Гоголь возвышается как последовательный славянофил-государственник. Вслед за Н.М. Карамзиным и С.С. Уваровым³³ во главу угла славянофильства Гоголь ставил интересы России как уникального государства единственного славянского народа, сохранившего в истории свою независимость и самобытность.

К сожалению, последующая история продемонстрировала дальнейшее смыкание оппозиционно-патриотического славянофильства с откровенно противостоящим русской государственности западничеством. Так, не случайно появление в балладе графа А.К. Толстого «Поток-богатырь» (1871) неприязненного образа славянофильствующего «аптекаря», мнимого патриота, ратующего — *одновременно* — и за народ, и за атеизм. От Константина Аксакова до давнего его друга Виссариона Белинского, провозглашавшего подобное смешение «народности» и атеизма в своем зальцбруннском письме к Гоголю, несмотря на принципиальные расхождения между горячим славянофилом и радикальным западником, — расстояние оказывалось весьма незначительным — почти таким, какое разделяло в давние времена фарисейство и саддукейство. Продолжатели Белинского и Аксаковых — нигилисты и отчасти «почвенники», а за ними и советские патриоты-атеисты — лишь повторяли заблуждения своих родоначальников. Неприятие реальной, исторической, самодержавной России объединяло в XIX в. и «правых», и «левых» (а в XX в. — и «белых», и «красных») — при всем их часто непримиримом противостоянии и так или иначе декларируемом патриотизме.

поэзии славянских племен» «не был решением только частного пристрастия к ней самого Бодянского: он был первым литературным последствием одного из нововведений Университетского устава 1835 года, которым в числе кафедр историко-филологического факультета дано место кафедре истории и литературы славянских наречий» (Срезневский И.И. На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1878. Т. XVIII. № 6. С. 32). Однако, продолжал Срезневский, «почти непосредственно за преобразованием Московского университета на кафедру эту вошел [...] М.Т. Каченовский (перемещенный сюда, за свои резко «скептические» взгляды по поводу отечественного прошлого, с кафедры русской истории, которую вместо него возглавил М.П. Погодин. — *И.В.*)... [...] На виду у Каченовского как будущий помощник его по кафедре был Бодянский, ученик им любимый и по познаниям, и по трудолюбию, и как земляк. Каченовский стал поддерживать Бодянского в занятиях славянскими наречиями и был главным виновником выбора предмета для диссертации — если не в частности, то по крайней мере вообще» (Там же. С. 32–33). Таким образом, вопреки намерениям Уварова, его начинание — учреждение в университетах кафедр славянских наречий, призванное способствовать изучению славянства, с самого начала стало приобретать сепаратистский, оппозиционный характер.

³³ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 385.

* * *

В изучении вопроса о месте Гоголя в полемике славянофилов и западников особый интерес представляет статья, включенная писателем в «Выбранные места из переписки с друзьями» с полемическим названием «Близорукому приятелю». Как это ни парадоксально, но вполне понятное по замыслу, это послание, несмотря на свой ярко выраженный славянофильский характер, никогда в качестве документа славянофильства не рассматривалось. Славянофильский пафос этой статьи вполне очевиден из самого обращения Гоголя к «близорукому приятелю»: «Россия не Франция; элементы французские — не русские. [...] Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах... [...] Стыдно тебе, [...] не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламосить его чужеземным навозом. [...] ...Ты загромоздил сором свой ум [...] и сделал его чужестранцем самому себе» (VI: 134).

Судя по этим строкам, статья адресована прежде всего западникам — первоочередным сторонникам иностранных мнений. Именно западничество Гоголь называет в статье «взглядом современной близорукости» — напоминая этим свой отзыв о западниках в письме «Споры» — о тех, что рассуждают о России, подойдя «слишком близко к строению», «говорят довольно подробно и отчетливо о той стене, которая стоит перед их глазами» (VI: 52).

Тем не менее вопрос об адресате послания представляется более сложным. Кого лично подразумевал Гоголь в этом письме, до сих пор неизвестно. Однако обращает на себя внимание то, что, хотя статья адресована лицу, не совпадающему с писателем во взглядах, «близорукому», она определенно подразумевает человека, находящегося с Гоголем в общении, в переписке. Сам Гоголь упоминает в ней о послании, полученном от неизвестного (VI: 134). По содержанию статьи можно также отчасти судить, к какому кругу принадлежал гоголевский корреспондент, — и даже предположить, каких взглядов он придерживался. Свой ответ Гоголь пишет человеку служащему — и даже собирающемуся занять новую, более ответственную должность: «...Не сделаешь ты добра на своей должности... [...] Ты метишь в государственные люди... [...] Не заводи этих улучшений, которыми уже наполнилась твоя голова еще прежде, чем ты вступил в свою должность...» (VI: 134).

Еще важнее то, что Гоголь адресует свою критику лицу, патристически настроенному, определенно желающему работать на благо России. Словом, в статье «Близорукому приятелю» Гоголь критикует не столько посторонних, чуждых ему представителей западнического

лагеря (что, впрочем, тоже не исключается), но в бóльшей степени своих, близких ему людей — лиц, разделяющих его взгляды о служении России, но по недоразумению, вследствие увлечения чуждыми учениями, понимающих это служение превратно. Это именно статья из «Выбранных мест из переписки с друзьями» — книги, адресованной всей России, но обращенной к друзьям-единомышленникам. Такое — личное — обращение к современникам обусловило самый жанр гоголевской книги, представляющей собой ряд духовных наставлений и даже резких обличений, обращенных к приятелям и близким знакомым.

Так, друга и постоянного собеседника по конфессиональным вопросам графа А.П. Толстого (впоследствии, в 1856–1862 гг., — обер-прокурор Святейшего Синода) Гоголь обличает в книге как «лишнего человека»³⁴, не приносящего пользу России своей «бездейственной и праздной жизнью» (VI: 89; статья «Нужно любить Россию»). Давнему приятелю князю П.А. Вяземскому Гоголь в статье о русской поэзии указывает на «отсутствие» в его разнообразных литературных занятиях «большого и полного труда» — называя это «болезнью князя Вяземского» (VI: 178). Близкую знакомую графиню Л. К. Виельгорскую Гоголь обличает в статье «Страхи и ужасы России» за малодушное забвение интересов России. В статьях-письмах «Выбранных мест...» есть также поучения А. А. Иванову, А. О. Смирновой, С. П. Шевыреву, Н. М. Языкову, есть даже скрытые адресные назидания западнику В. Г. Белинскому³⁵, которого Гоголь тоже желает привлечь в число своих друзей, обратив его к прежней «примирительной» эпохе его критической деятельности. Название статьи «Близорукому приятелю», — тоже, судя по всему, вовсе не риторический прием.

В итоговой книге Гоголя есть, наряду с преобладающей антизападнической направленностью, и вполне очевидная критика в адрес друзей-славянофилов. В частности, в книге заключается весьма нелцеприятное обличение одного из видных, старейших представителей славянофильского лагеря М.П. Погодина. (Сам Гоголь зачитывался «Московским вестником» Погодина еще будучи в стенах Нежинской

³⁴ См. подробнее: *Виноградов И.А.* «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

³⁵ *Виноградов И.А.* Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Ред. М.И. Щербаква. М., 2018. С. 5–18.

гимназии³⁶.) Суровая критика литературной и научной деятельности Погодина содержится в статье «О том, что такое слово».

Но обращая внимание на эту статью, следует иметь в виду принципиальную особенность гоголевской критики Погодина. Как и адресат статьи «Близорукому приятелю», Погодин, — безусловно, патриот. Если в отношении к западничеству Гоголь не разделяет самих идей «европистов» — взглядов, почерпнутых из «иностранных книг» и «английских журналов» — согласно строкам статьи «Близорукому приятелю» (VI: 134), то применительно к славянофильству его позиция совершенно иная.

Обращаясь к «близорукому приятелю», Гоголь критикует не столько представителей западничества, сколько сами западные воззрения, которыми заражен его корреспондент. Напротив, в статье «О том, что такое слово» положения славянофильства Гоголь *защищает* — обличая лишь недостойного, недозревшего до подлинного понимания носителя этих взглядов. Критический пафос статьи «О том, что такое слово», будучи адресован представителю патриотического славянофильства, не содержит никакой критики в адрес самих славянофильских идей — вполне разделяемых Гоголем. Более того, обличение Погодина, друга и давнего единомышленника, еще раз свидетельствует о глубине и укорененности славянофильских убеждений Гоголя. Как явствует из содержания статьи, славянофильские, патриотические и верноподданнические воззрения Гоголю настолько дороги, что обличает он приятеля не за эти общие, одинаково разделяемые ими взгляды, но за их недопустимую профанацию. По гоголевской оценке, Погодин как профессор университета и как издатель журнала «Москвитянин» своей торопливостью, «неряшеством и неопрятностью» (VI: 21) компрометирует важнейшее для России, для всех русских людей дело — так же, как повредил этому делу сам Державин, который ради таких же дорогих, заветных убеждений, должен был, по оценке Гоголя, «сжечь по крайней мере целую половину од своих»: «Сколько усумнилось в искренности его чувств потому только, что нашли их во многих местах выраженными слабо и бездушно» (VI: 20). Гоголь говорит о Погодине: «...Я должен был [...] спорить [...] за чистоту самих намерений и за искренность слов его... [...] Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной; о любви к царю, которую питает он искренно и свято в душе своей, изъяснится он так, что это походит на одно раболепство и какое-то корыстное угождение. Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного России, выразится у него так,

³⁶ См.: Виноградов И.А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М. (в печати).

как бы он подавал донос на каких-то некоторых, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник. Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» (VI: 22).

Статья «Близорукому приятелю» — это недвусмысленная критика западничества, кто бы и в какой бы степени ни был заражен им: славянофилы-патриоты или «европисты»-западники. Обличительное слово Гоголя в адрес Погодина, друга и единомышленника, так же как критика *наиболее почитаемого*, с детства любимого поэта Державина, — слово в защиту дорогого, близкого душе дела.

Это обличение, мотивированное заботой об общем деле, стремлением уберечь его от профанации — не единственное критическое выступление Гоголя, направленное на конкретных представителей славянофильства — своих друзей. Таким же стремлением продиктовано сразу несколько гоголевских обличений — по разным поводам — в адрес славянофила Константина Аксакова. Об одном из них, по поводу «дома Романовых», уже говорилось. Обратимся к другим.

Когда Аксаков, радуя за народность, стал ходить в русском кафтане и отпустил бороду — не без вызова светскому обществу и самим правительственным постановлением³⁷, то, по словам Гоголя, он «просто охаял», выставил на смех важнейшее начинание. Гоголь писал Н.М. Языкову 5 октября (н. ст.) 1846 г.: «Воспитай прежде себя для общего дела, чтобы уметь точно о нем говорить, как следу[ет]. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле! Они просто охаивают этим всякую вещь, о которой действительно следует поговорить и о которой становится теперь стыдно говорить, потому [что] они обратили ее в смешную сторону» (XIII: 387–388).

Гоголевская критика Аксакова за его вызывающее поведение отнюдь не означала осуждения самих национальных традиций — вплоть до внешнего облика. Призывая в 1845 г. приятеля временно воздержаться от «ношения бороды, русского кафтана и проч.» (XIII: 216), Гоголь по-прежнему выказывал себя как последовательный славянофил-государственник. Судя по всему, писатель помнил слова св. пророка Софонии: «И будет, в день жертвы Господни, и отмщу на князи и на

³⁷ 2 апреля 1837 г. был издан специальный указ «О воспреещении гражданским чиновникам носить усы и бороду», где говорилось: «...Государь император, сверх доходящих до его величества из разных мест сведений, сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образцу жидов, или подражая французским модам. Его императорское величество изволил находить сие совершенно неприличным...» (Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. С. 206).

дом царский, и на вся оболченные во одеяния чуждая...» (гл. 1, ст. 8). Поэтому начало чаемых перемен и в этом случае Гоголь связывал с деятельностью монарха. Гоголь писал Аксакову 25 ноября (н. ст.) 1845 г.: «Я сам питаю отвращение к нашему обезьянскому европейскому наряду и глупому фраку и чувствую, что скоро мы все начнем носить наш наряд; но [...] у нас, в русском царстве [...] водится так, что царь — глава, и только то, что передастся через него [...] облекается в законность. Он первый подает знак — и всё вмиг облечется и во внешнюю Русь, не только во внутреннюю. [...] А потому я вас прошу убедительно и сильно [...] подумать [...] о той добродетели, которой у всех нас слишком мало; добродетель эта называется смирение» (XIII: 216–217). Как и в других случаях, особенность позиции Гоголя заключалась в том, что, разделяя основные положения славянофильства, он считал некоторые из славянофильских начинаний преждевременными³⁸.

За то же самое — за преждевременность и профанацию важного начинания — Гоголь критиковал Константина Аксакова и в связи с проповедуемыми последним взглядами о значении Москвы. Ю.Ф. Самарин, вспоминая о пребывании Гоголя в Москве в октябре 1841 — мае 1842 г., писал к К.С. Аксакову и А.С. Хомякову: «Мысль о современном значении Москвы, пущенная в ход Аксаковым³⁹, встретила между нами и даже в более широком кругу сочувствие и одобрение... [...] В это время уезжал Гоголь. Ты помнишь, Аксаков, то письмо, которое он написал к тебе? (Имеется в виду гоголевское письмо к Аксаковым от 28 ноября (н. ст.) 1842 г. — *И.В.*) Он упрекал тебя в том, что ты испортил ему то прекрасное, отрадное чувство, которое он питал к Москве; он просил тебя перестать толковать о значении Москвы, взяться за труд и т.д. Гоголь предчувствовал то, что теперь сбылось. Толки о Москве продолжались три года; вражда к Петербургу усилилась; на каждого выходца оттуда мы ополчались толпою и вымещали на нем наше негодование. Между тем, в продолжение этого времени Москва не явила ни одного плода своей умственной деятельности; таким образом она стала известна Петербургу и вообще всей России только с одной, чисто отрицательной стороны. Если бы мы меньше говорили о себе и больше заявляли прав

³⁸ См. подробнее: *Виноградов И.А.* Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского... С. 32–36.

³⁹ См.: *Аксаков К.* Москве (Отрывок) // *Москвитянин*. 1845. № 2. С. 108; Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения. М., 1846. С. 44–46, 57–59; *Аксаков К.С.* Семисотлетие Москвы // *Московские ведомости*. 1846. № 49, 23 апр. С. 344–346.

на уважение, может быть, всеобщее внимание само собою обратилось бы на Москву»⁴⁰.

В письме к К.С. Аксакову от 28 ноября 1842 г. Гоголь характеризовал его как человека «праздного», тоже соответствующего категории «лишних людей»: «...Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! [...] Займитесь [...] совершенно стороною внутреннею русского языка [...], мимо отношений его к судьбе России и Москвы, как бы это ни заманчиво было и как бы ни хотелось разгуляться на этом поле. [...] Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего все?» (XII: 157–158).

Критикуя Погодина в статье «О том, что такое слово», Гоголь добавлял: «Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними... [...] Не столько зла произвели сами безбожники, сколько [...] неприготовленные проповедатели Бога, державшие произносить имя Его неосвященными устами» (VI: 21). Т. е. Аксаков своими поступками сделал именно то, за что Гоголь обличал и Погодина, и Державина, — «опозорил то, что стремился возвысить» (VI: 22).

Аксаков и Погодин, по оценке Гоголя, все, без должной ответственности затрагивали высокие истины. Эта перекличка между обличением Аксакова и критикой Погодина, находит себе дополнительное соответствие в общей характеристике деятельности неразумного «муравья» Погодина в статье «О том, что такое слово» и в критике таких же опрометчивых «муравьев»-«государственных людей» в письме «Близорукому приятелю». О Погодине Гоголь пишет: «Тридцать лет *работал* и хлопотал, как *муравей*, этот человек, торопясь *всю жизнь свою* передать поскорей [...], что ни находил на пользу просвещения [...] русского... И [...] ни одного признательного юноши я не встретил, который бы сказал, что он обязан ему каким-нибудь новым светом...» (VI: 21–22; курсив мой. — *И.В.*). «Близорукому приятелю» Гоголь выговаривает: «...Ты стремишься [...] быть похожим на тех государственных людей, [...] которые имели в себе всё для того, чтобы сделать множество добра, которые [...] *работали, как муравьи, всю свою жизнь*, и при всём том не осталось после них никакого следа...» (VI: 135; курсив мой. — *И.В.*).

«Близорукому приятелю» Гоголь указывает также на гордость: «Ты горд... [...] ты самоуверен [...]; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не может...» (VI: 135). Это же обличение в статье «Споры» Гоголь обращал и к «восточникам», и к западникам — обвиняя первых в этом грехе даже больше, чем вторых: «...Дух гордости обуял обоими. [...] Кичливости больше на стороне славянистов [...]; из них каждый вооб-

⁴⁰ Сочинения Юрия Федоровича Самарина. Т. 12. С. 149–150.

ражает о себе, что он открыл Америку...» (VI: 52). Едва ли не самого Константина Аксакова имел также в виду Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» «Выбранных мест...», когда говорил о незрелости некоторых славянофильских начинаний, профанирующѣих важное дело: «Многие у нас уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не в меру русскими доблестями и думают вовсе не о том, чтобы их углубить и воспитать в себе, но чтобы выставить их напоказ и сказать Европе: “Смотрите, немцы: мы лучше вас!” Это хвастовство — губитель всего. [...] Наилучшее дело можно превратить в грязь, если только им похвалишься и похвастаешь» (VI: 86–87).

Таким образом, обнаруживается, что гоголевская критика его друзей и знакомых — Погодина, в письме «О том, что такое слово»; «близорукого приятеля», в одноименном письме; Константина Аксакова, в целом ряде частных писем и в самой книге, во многом схожи — и почти повторяют критику в адрес западников. Даже Шевыреву, наиболее близкому Гоголю славянофилу, поэту, мыслителю и критику, писатель в послании от 21 апреля 1848 г., имея в виду полемику приятеля с либеральными журналистами по поводу своей «Выбранных мест...» (за что, казалось бы, он должен быть только благодарен Шевыреву), выговаривал: «Мне кажется подчас, что всё то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и всё в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*» (XV: 50). «К спорам прислушивайся, но в них не вмешивайся. [...] Дух чистейшего незлобия и кротости должен проникать величавые речи старца...» — замечал Гоголь по поводу полемики «восточников» и западников в статье «Споры» (VI: 53). С этой христианской позиции писатель и оценивал *все* современные общественные движения, включая нарождающееся славянофильство.

Епископ Варнава (Беляев), говоря об идейных основах славянофильского учения, замечал: «Конечно, для знакомого с аскетической святоотеческой литературой учение славянофилов не представляет чего-нибудь нового, но для внешнего мира оно, безусловно, новая и доброкачественная мысль. Уже и сейчас, как она есть, эта школа достойна составить важную главу в истории русской философии, а если бы была поддержана и развита, то, возможно, произвела бы в ней настоящий переворот»⁴¹.

Однако эта характеристика славянофильства отражает лишь одну, самую позитивную из его сторон. Именно эта сторона была настолько близка Гоголю, что в этом отношении его с полным правом можно на-

⁴¹ Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Нижний Новгород, 1996. Т. 1. С. 247.

звать славянофилом. Но наряду с позитивным началом, в славянофильском учении были, к сожалению, элементы иного, противоположного характера — прямо роднящие его с западничеством. Прежде всего, это касается истоков этого общественного течения.

И.В. Киреевский, прошедший в свое время западную выучку, слушавший в Германии лекции Шеллинга и Гегеля, в 1856 г., незадолго до смерти, указывал: «Если бы не узнала Россия Шеллинга и Гегеля, то как уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистов над русскою образованностью?»⁴² Судя по всему, это самооправдание Киреевский почерпнул у самого А.С. Пушкина. В одной из глав незавершенного очерка о Радищеве, впервые напечатанного в отрывках в 1841 г., поэт замечал: «Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии...»⁴³

С этими важными пушкинскими размышлениями, затрагивающим истоки славянофильского «любомудрия», Гоголь, как выясняется, познакомился еще в 1836 г., прочтя их в рукописи. Уже тогда Гоголь, имея в виду замечание поэта о далекой от «практического» духа немецкой философии, в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», выступил с резкой критикой отвлеченных «рассуждений и трактатов», из которых «всё практическое», «взятое из жизни» изгонялось, ибо считалось «пустым и недостойным». Критикуя схоластические сочинения, Гоголь отмечал, что, несмотря на мнимую «питательность» этих книг, нравственность их читателей была «не очень чиста» (VII: 494) — наряду с отвлеченными «нравственными» произведениями появилась тогда масса откровенно безнравственных (VII: 494). К тому же туманная схоластика стала главной причиной «малого распространения охоты к чтению в нашем обществе» (VII: 494). Это неутешительный вывод Гоголь подводил как для предшествующего века, так и для своего времени: «Такой раздор теории с практикою был повсеместен в конце 18 столетия. В 19 столетии масонские и другие секты, отвлеченный мистицизм поддерживали существование подобных философских сочинений, рассуждений, увещаний и трактатов, хотя облеченных уже в другие формы» (VII: 494). Необходимость появления новых форм, в которые «облеклись», благодаря усилиям популяризаторов, новейшие трактаты, Гоголь объяснял самим характером немецкой философии: «Когда Кант,

⁴² Отрывки, найденные в бумагах И.В. Киреевского [Продолжение статьи «О необходимости и возможности новых начал для философии»] // Русская беседа. 1857. Кн. 5. № 1. Отд. 2. С. 7.

⁴³ Пушкин А.С. Москва // Соч. Александра Пушкина. СПб., 1841. Т. 11. С. 18.

Шеллинг, Гегель, Окен [...] обрабатывали науку, [...] их мнения распространялись только в кругу небольшом их слушателей...» (VII: 494). Но и обновленный «другими», более приемлемыми формами изложения «схоластизм», по наблюдениям Гоголя, в существе своем не изменился. Несмотря на то, что последователи немецких философов, «среднего класса люди», «без орлиной мысли и таланта», изложили их абстрактные рассуждения «общеупотребительным языком», — так что «приученные мистицизмом читатели брались охотно за эти книги» (VII: 494), — тем не менее удаленная от практики мысль осталась по-прежнему бесплодной. Яркой противоположностью тщетной схоластической философии, спасительным выходом из тупика, является, по убеждению Гоголя, «высший» род словесности (VI: 324) — подлинная, связанная с жизнью, проникнутая глубокой мыслью поэзия. В своей рецензии Гоголь, обращаясь еще раз к словам Пушкина о замене немецкой философии «духом более практическим», писал: «В наш век почти общим сочувствием была признана необходимость воплощения всякой мысли практически. [...] ...Дела более значат, нежели слова. Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, [...] когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта. Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест[венные] мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов» (VII: 494–496). — Можно заметить, что логика гоголевской рецензии, предназначавшейся для пушкинского «Современника», сама ее композиция, строится в точном соответствии со словами апостола: «Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философию [...], по стихиям мира, а не по Христе» (Кол. 2, 8). — «Итак, — заключает Гоголь, — мы, сделавши такие великие тысячелетние обходы, наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших. И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой» (VII: 495). Вскоре, в «Мертвых душах» Гоголь прямо повторил эти размышления: «Какие искривленные, [...] заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь... [...] Поди ты сладь с человеком! [...] пропустит мимо создание поэта, ясное как день, [...] а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напугает, наплетет, изломает, выворотит природу...» (V: 203,

200). — Вполне очевидно, что Гоголь уже в первой половине 1830-х гг. оторванную от жизни отвлеченность, «изысканность» схоластики определял, вслед за Пушкиным, как характерный признак ограниченности и «посредственности»⁴⁴. Уже тогда, в самом начале сближения Гоголя со славянофилами, наряду с единомышленником в общем понимании главных положений славянофильского учения, созревает гоголевская критика тех черт славянофильства, которые оказывались несовместимы с взглядами православного мыслителя.

В 1902 г., подразумевая цитированные слова Киреевского о «господстве Вольтера» — и об «уничтожении» этого «господства» Шеллингом и Гегелем, известный впоследствии патролог Н.И. Сагарда так объяснял связь славянофильства с немецкой философией: «Кумир, воздвигнутый Европой в лице Вольтера и французских энциклопедистов, был ниспровергнут вместе с французской революцией; но вскоре [...] на вновь воздвигнутом пьедестале [...] Шеллинг и Гегель сменили Вольтера. Русская передовая молодежь, привыкшая зорко следить за тем, что происходило у наших западных соседей, не замедлила ознакомиться с этими метафизическими системами... [...] Кто не знаком был с немецкой философией, [...] тот не признавался образованным человеком... [...] ...Особенно замечателен кружок, [...] собиравшийся в [...] доме А.П. Елагиной. [...] Наряду с [...] братьями Киреевскими, Хомяковым, К. Аксаковым, Ю. Самариным, Валуевым, И. Аксаковым и др. здесь можно было встретить и позднейших их антагонистов — [...] Герцена, Грановского, Белинского и др. [...] Содержание споров вращалось на том, что было тогда господствующим интересом нового литературного поколения, — это была немецкая философия... [...] По вопросу о национальной самобытности [...] особенно выдвинута была философия Шеллинга и Гегеля»⁴⁵.

Именно в критическом отношении к западной схоластике, «родной» для большинства славянофилов, заключается, наряду с отвержением оппозиционности и осуждением скороспелости начинаний, принципиальное размежевание Гоголя с его друзьями. Весьма характерно в этой связи то, что, когда весной 1840 г. Гоголь оказался непосредственно в кружке московских славянофилов, то именно Иван Киреевский не нашел с ним общего языка. Е.М. Хомякова сообщала тогда брату Н.М. Языкову: «Все

⁴⁴ О гоголевской критике схоластического мышления см. подробнее: *Виноградов И.А.* Гоголь о поэзии и схоластике (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // *Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой.* М.; Новосибирск, 2016. С. 226–233.

⁴⁵ *Сагарда Н.И.* Славянофильство и его идеалы (Речь, произнесенная в актовом зале Полтавской духовной семинарии 11 Мая — в день памяти свв. первоучителей славян Кирилла и Мефодия) // *Полтавские епархиальные ведомости.* 1902. № 19, 1 июля. Часть неофициальная. С. 870–872.

здесь нападают на Гоголя, говоря, что, слушая его разговор, нельзя предполагать в нем чего-нибудь необыкновенного, Иван Васильевич Киреевский [говорит], что с ним почти говорить нельзя: до того он пуст. Я сержусь за это ужасно. У них кто не кричит, тот и глуп»⁴⁶.

Известно, что Гоголь предпочитал выражать свою точку зрения в многозначных художественных образах, а не в схоластических диспутах и «словопрениях» (2 Тим. 2, 14). В статье «Споры» он замечал: «Поверь, уже так заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались [...], дабы умные могли [...] надуматься вдоволь» (VI: 53). Для «передового крикуна» Киреевского эта принципиальная особенность Гоголя осталась не понятой. Но о гоголевском критическом отношении к схоластическим и радикальным чертам славянофильства, сближающих это учение с западничеством, можно определенно судить по взаимоотношениям писателя с Константином Аксаковым, до которого сам Гоголь попытался донести свою позицию, — видимо, потому, что находился с ним в более близких отношениях.

На «немецкое» философствование К.С. Аксакова, по-прежнему объединявшее его (до определенной степени) с бывшим (до 1839 г.) московским приятелем, западником Белинским, Гоголь указывал — начиная с 1840 г. — не раз. Так, в письме к С.Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Гоголь, намекая на неизжитое пристрастие его сына Константина к немецкой учености, замечал: «Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился. Это не мешает довести, между прочим, до сведения кое-кого» (XI: 331). — В 1840 г. Панов вместе с Гоголем выехал из Москвы за границу. Накануне отъезда он заручился у западника А.И. Тургенева рекомендательным письмом к К.А. Фарнгагену фон Энзе в Берлин, однако в Германию попал только спустя год, проведя большую часть времени с Гоголем в Риме. Берлинский университет в качестве слушателя он посещал позднее, с мая 1841 г. до августа 1842 г.

Гоголю, безусловно, было хорошо известно, с какими восторженными впечатлениями вернулся Константин Аксаков в конце октября 1838 г. в Россию после нескольких месяцев пребывания за границей — в Германии и Швейцарии. В июле 1838 г. он писал родным из Дрездена: «Дрезден, Дрезден! [...] Здесь только явилась мне дорогая моя Германия [...]. Я русский, [...] но [...] только в Германии (т. е. в просвещении ее)

⁴⁶ Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова: [В 8 т.] М., 1900. Т. 8: Письма. С. 106.

могу находить [...] полную отраду»⁴⁷. В августе того же года, в письме из Базеля, Константин Аксаков добавлял: «...Германия не только не проиграла, но выиграла в моем путешествии: узнав ближе немцев, я больше полюбил их»⁴⁸.

О том, какова могла быть (или даже была, но осталась без подробных свидетельств) полемика Гоголя с Константином Аксаковым по поводу увлечения последнего Германией, можно, в частности, судить не только по поведению руководимого Гоголем Панова, но и по многолетнему, с 1838 по 1842 г., спору писателя по этому же вопросу со своей бывшей ученицей М.П. Балабиной⁴⁹.

Итог, который вынес сам Гоголь за время долгого изучения западной жизни в европейских странах, свидетельствует о глубине его религиозно-патриотических взглядов. В противном случае результат мог быть скорее обратным. О прочности убеждений писателя, но и, одновременно, об опасности, какой подвергались его друзья за границей, можно, в частности, судить по строкам одного из писем известного гоголевского современника, святителя Игнатия (Брянчанинова): «Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которые они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое!»⁵⁰

Увлечение своего друга Аксакова «отрадным» немецким «просвещением» не могло не насторожить Гоголя. Кроме Балабиной, перед его глазами был еще один разительный пример, когда влияние новейшей европейской философии отрицательно сказалось на взглядах близкого ему человека. Гоголь не мог не поразиться, сколько невразумительного, подчас еретического, осталось в размышлениях его друга художника А.А. Иванова⁵¹, создателя знаменитой картины «Явление Мессии» (1832–1857), после его знакомства и близкого общения в 1832–1833 гг. с московским «любомудром» Н.М. Рожалиным, приехавшим в Рим из Мюнхена после слушания там — вместе с И.В. Киреевским — лекций немецких профессоров.

⁴⁷ Неизданные письма из-за границы К.С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г.М. Князева (продолжение) // *Космополис (Cosmopolis)*. 1898. Т. 10. № 4. С. 82–85.

⁴⁸ Неизданные письма из-за границы К.С. Аксакова, 1838 года, с примечаниями Г.М. Князева (продолжение) // *Космополис (Cosmopolis)*. 1898. Т. 11. № 7. С. 83.

⁴⁹ См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 2: 1829–1836. М., 2017. С. 575–576.

⁵⁰ *Игнатий Брянчанинов, святитель.* Письма. М., 1993. Т. 7. С. 368.

⁵¹ См.: *Зуммер В.М.* О вере и храме А. Иванова. С IV таблицами (42 снимка). Киев, 1918. С. 19–20; *Аленов М.М.* Александр Андреевич Иванов. М., 1980. С. 150–151; *Виноградов И.А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М., 2001. С. 9, 83, 88–100, 113, 115–116, 131–132, 135, 144.

Лишь спустя несколько лет в письме к самому Аксакову от 25 марта (н. ст.) 1841 г. Гоголь выражает, наконец, удовлетворение, что тот, преодолев увлечение «немецкой философией», вступает на «прямо русскую дорогу» (XI: 343).

Добавим, что страстное увлечение Аксакова и других московских славянофилов немецкой философией было вполне очевидно для окружающих — и в те же годы было отмечено не одним Гоголем. Так, даже о самом выдающемся и, пожалуй, наиболее глубоко преданном вере и Церкви славянофиле А.С. Хомякове князь П.А. Вяземский в 1847 г. писал В.А. Жуковскому: «...Его народность и руссословие несколько отуманены немецким, или вообще нерусским направлением. [...] ...Эти отчаянные руссословы — более всего немцы и [...] коренная Русь, верно, их не понимает и не признает. Вот, например, Уваров, тот другое дело: он запряг себя в тройку самодержавие, православие и народность и дует по всем по трем»⁵². Другой современник, сенатор и литератор К.Н. Лебедев добавлял: «Из сочинений его [Хомякова] “Ермак” и “Дмитрий Самозванец” замечательны своею историческою неверностию, Германской идеализацией. [...] Я видывался с ним в 1850 г. у А.Е. Шиповой и М.П. Погодина. Мне не понравился он безусловным порицанием европейских заимствований и всех действий правительства, о которых он не имел даже приблизительно точных сведений»⁵³. Славянофил Ф.В. Чижов, возмущенный в 1836 г. запрещением периодического издания «Русский сборник» (Император, как известно, написал тогда на представлении: «и без того много»), в своем дневнике назвал Государя «коронованным скотом»⁵⁴.

Оппозиционность, «порицание европейских заимствований» — при собственной приверженности к западной схоластике, — все эти причудливо переплетавшиеся родовые черты славянофильства постоянно отмечал в своих друзьях в те же годы и Гоголь.

Характерны упреки Константину Аксакову в склонении к «немечине лукавой» Н.М. Языкова в стихотворном послании «К молодому человеку». Это послание во многом передает отношение к «молодому человеку» самого Гоголя, который оценил стихотворение (в письме к Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.) как «нестерпимое количество света», поднесенное «к глазам» Аксакова (XIII: 85):

⁵² Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 296–297.

⁵³ Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив. 1910. № 12. С. 573.

⁵⁴ Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: В 3 т. 1826–1837. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. М., 2016. С. 850.

Дай руку мне! Но ту же руку
 Ты дружелюбно подаешь
 Тому, кто гордую науку
 И торжествующую ложь
 Глубокомысленно ставит
 Превыше истины святой,
 Тому, кто нашу Русь злословит
 И ненавидит всей душой...⁵⁵

По поводу задуманной (и уже в 1839 г. вчерне законченной) Константином Аксаковым диссертации о Ломоносове славянофил С.П. Шевырев 4 октября 1845 г. писал Гоголю: «Хороший и большой труд [...]. Но Гегель подпустил дыму, иногда и в мысль, а всего более в слог. [...] Его дело было бы изучать народный быт, язык, песни, предания, пословицы. Но Гегель до сих пор всему мешает. Немцы напустили такого туману в эту славную русскую голову, что она до сих пор от того болит» (XIII: 198–199).

На это письмо Гоголь отвечал: «Что же касается до диссертации его, то, еще не читая ее, советовал ему не подавать ее, даже уничтожить ее вовсе, напечатав из нее одни только отрывки, как отдельные статьи» (XIII: 212). Гоголь имел в виду свое письмо к Аксаковым от 21 декабря (н. ст.) 1844 г., где, обличая увлечение Константина Аксакова «немецкой философией», сказавшееся в диссертации, писал Аксакову-отцу: «Черты ребячества и черты собачьей старости⁵⁶ будут в нем попадаться беспрепятственно одни подле других и будут служить вечным предметом насмешек журналистов, насмешек глупых, но в основании справедливых» (XII: 545).

Помимо «немецкого» «слога» диссертации Аксакова⁵⁷, Гоголя, по-видимому, во многом не устраивало в ней и само содержание. Скорее всего, писателю, со слов самого Аксакова, были известны те «задние мысли», с которыми он писал свою диссертацию и которые в нее не вошли. В своих позднейших статьях Аксаков так характеризовал весь тот период русской литературы, начало которому положил Ломоносов: «Отвлеченный стихотворный период, начавшийся [...] с Ломоносова,

⁵⁵ Жихарев М.И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника. Статья вторая // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 44–45.

⁵⁶ «Собачья старость» — народное название детского заболевания прогерии, при котором больной становится похож на старую собаку.

⁵⁷ См., в частности: «Отрицание само есть вместе и подтверждение; вспомним, что мы ничего не видим, кроме отрицания; в таком случае отрицающая вещь, мы ее признаем, и становим моментом самого отрицание» (Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова. С. 18).

давший много прекрасных, хотя отвлеченных, ненародных созданий и продолжавшийся до сих пор... [...] Бог с ним, с этими временем [...] отвлеченной и заемной умственной деятельности... [...] неискренней, чуждой родной почве поэзии...»⁵⁸; «Ломоносов [...], Карамзин и другие изображали русскую историю так, что в ней русского собственно ничего не было видно»⁵⁹.

Достаточно сравнить эти высказывания Аксакова с многочисленными отрицательными суждениями о Ломоносове Белинского, чтобы убедиться в их тождестве. Показательно, к примеру, рассуждение Белинского о негативном влиянии Ломоносова на русскую литературу, которое было напечатано в 1847 г. в первом номере некрасовского «Современника»: «Он дал ей направление книжное, подражательное, и оттого, по-видимому, бесплодное и безжизненное, следовательно, вредное и губительное»⁶⁰. С. Т. Аксаков, прочитав эту статью Белинского, 11 марта 1847 г. сообщал сыну Ивану, что «совершенно» с ней согласен, и заключал: «Не забавно ли, что в Петербурге свободно пропускают то в *журналах*, за что здесь преследуют ученые диссертации!»⁶¹ — Сам К. С. Аксаков, в самой диссертации — в той ее редакции, что была опубликована, — в частности, заявлял, что после Ломоносова в русском языке «образовался односторонний, тяжелый слог, удалявший простую форму фразы»: «Это противоречило совершенно существу русского языка... [...] Сумароков, Державин, Херасков и др., все имеют этот общий характер... [...] ...Этот отвлеченный, односторонний слог [...], противоречивший существу русского языка, стал тяготеть над русским словом. [...] Направление это было ложно...»⁶²

Как уже отмечалось, одной из причин составления Гоголем в период проживания в Москве осенью 1841 — весной 1842 г. обширного рукописного сборника «Сочинения Ломоносова и Державина» (XVII: 434–624) были критические отзывы об этих поэтах западника Белинского.⁶³ Показательно, что главным образом стихотворения Ломоносова и Державина представлены Гоголем и в числе «примеров» позднейшей «Учебной книги русской словесности для русского юношества». Исключительную

⁵⁸ Аксаков К. С. Обзорение современной Литературы // Русская беседа. 1857. Кн. 5. № 1. Отд. 4. С. 14.

⁵⁹ Аксаков К. С. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте) // Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 52.

⁶⁰ В. Б. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Современник. 1847. № 1. Отд. 3. С. 3.

⁶¹ Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Т. 5. С. 512.

⁶² Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: Рассуждение кандидата Московского университета Константина Аксакова. С. 385–386.

⁶³ См.: Виноградов И. А. Народная песня в творчестве Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. XVII. С. 703–704.

роль Ломоносова и Державина в развитии русской поэзии — и не только поэзии, но и русской жизни и государственности — Гоголь подчеркивал также в статьях «О лиризме наших поэтов» и «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Возражая радикальной критике, Гоголь писал: «Поэты наши [...] были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими...» (VI: 191–192); «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение» (VI: 41); «Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов» (VI: 37–38).

Теперь выясняется, что для составления зимой 1841—1842 гг. сборника «Сочинения Ломоносова и Державина» из более чем пятидесяти их избранных стихотворений, у Гоголя был еще один, более близкий повод — сходные с мнениями Белинского высказывания о Ломоносове оппозиционного славянофила Аксакова. Явно подразумевая диссертацию последнего, отчасти даже соглашаясь с заключенной в ней критикой, Гоголь позднее, в статье «В чем же наконец существо русской поэзии...», замечал: «...Поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищенье от света, внесенного в Россию, изумленье от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам. [...] Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? [...] Случаем попал он в поэты: восторг от нашей новой победы заставил его набросать первую оду. Впопыхах занял он у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случились, не рассмотрев, приличны ли они русской речи. Нет и следов творчества в его риторически составленных одах, но восторг уже слышен в них повсюду... [...] Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной. [...] Изумительней всего то, что, заключа стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах» (VI: 157–158).

Имея в виду все перечисленные назидания Гоголя в адрес Константина Аксакова: и по поводу критики «Одиссеи» и «Домостроя», и по поводу нигилистического отношения к русской поэзии, начиная с Ломоносова, и на счет эпатуирующего ношения кафтана и бороды, и против фарисейской «кичливости» и «хвастовства», с неразумной «прыткостью» и скороспелостью, и в опровержение неприязни приятеля

к «дому Романовых», и по поводу его «оппозиционного» противопоставления Москвы правительственному Петербургу, и для искоренения его пристрастия к немецкой схоластике, — подразумевая все эти гоголевские обличения, можно сделать вывод, что Константин Аксаков «с полным правом» мог заслужить от писателя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» такое же пространное обличение в виде статьи, какое получил Погодин. Можно сказать, что статья «О том, что такое слово» хотя и адресована Погодину, но ее пафос вполне может быть отнесен и к Аксакову, который, на взгляд Гоголя, так же, как и Погодин, дискредитировал важные славянофильские начинания. Отчасти такая критика, по поводу «хвастовства» Аксакова «русскими доблестями», и была воплощена Гоголем в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Аксакову как критику Ломоносова адресованы отчасти и две статьи о русской поэзии в «Переписке с друзьями». Не случайно одна из этих статей, «О лиризме наших поэтов», в 1848 г. вызвала, как уже говорилось, резкие возражения Аксакова — в связи с его спором с Гоголем о «доме Романовых».

Перечисленные обличения Гоголем Константина Аксакова вполне характеризуют последнего как одного из близких, но (увы!) «близоруких» приятелей писателя. Очевидно, что, «близоруки», хотя и в разной степени, по оценке Гоголя, и западники, и славянофилы. По этой причине в статье «Споры» Гоголь указывает на равно пагубные для государственного управления крайности и западничества, и славянофильства: «...Два противоположные мнения, находясь в таком еще незрелом и неопределенном виде, переходят уже в головы многих должностных людей. [...] ...Подчиненным чиновникам приходит беда: они не знают, кого слушаться. [...] ...Плуту оказалась теперь возможность [...] производить [...] плутни в качестве как поборника старины, так и поборника новизны» (VI: 52).

Сходным образом в статье «Близорукому приятелю» Гоголь советует своему корреспонденту — к какой бы партии он ни принадлежал, «староверов» или «нововеров», — держать при себе свои незрелые взгляды, не допуская их влияния на служебную деятельность. Пусть правды «больше на стороне славянистов», но скороспелость выводов, преждевременность начинаний, зараженность западным влиянием — все эти черты нарождающегося славянофильства могут, по Гоголю, навредить государственному делу, общенациональным преобразованиям, не меньше, чем западничество.

Таким образом, по сходству обличений Гоголя в адрес западников и славянофилов статья «Близорукому приятелю» с равным успехом может быть обращена не только к западникам, но и к славянофилам,

а именно к той их части, которая еще не вполне освободилась от влияния чужеземного воспитания и западных мнений. Вследствие обилия элементов западничества в формирующемся славянофильстве гоголевская статья, независимо от того, кем является ее конкретный адресат, адресована одновременно и «европистам», и «восточникам». Из последних «близоруками приятелями» могли быть для Гоголя и К.С. Аксаков, и Ю.Ф. Самарин, и даже сам Погодин — в том неприглядном, «профанирующем» славянофильстве виде, в каком он представлен в статье «О том, что такое слово».

Но в то же время вполне очевидно и то, что адресованная друзьям критика раздается не «слева» — не с чуждой — по самой своей сути неприемлемой для писателя — западнической позиции, а напротив, «справа» и «сверху», т. е. с еще более высокой, духовной точки зрения, с платформы еще более консервативных, «еще более славянофильских» взглядов. Из самого крайне заинтересованного, ангажированного участия Гоголя в судьбе славянофильского учения, из его резкой критики в адрес друзей явствует, что писатель был последовательным апологетом славянофильства. Именно поэтому в статье «Споры», подчеркивая преимущества этого учения перед западничеством, Гоголь без снисхождения критикует представителей обоих течений. Конечно, западники, по оценке писателя, только еще начинают сознавать свои заблуждения. Куда дальше вперед от них ушли «восточники». Но и те, будучи на пути к истине, достаточным потенциалом для выполнения задачи общенационального строительства еще не обладают. Хотя и в меньшей мере, они тоже не дозрели для того, чтобы быть достойными проводниками «русского духа по русской земле» (XIII: 388). Процесс только в самом начале: «...Мы начинаем просыпаться, но еще не вполне проснулись...» (VI: 51). Западники от истины дальше, но мировоззрение «славянистов» тоже не способно еще «внести в самые огрубелые души святыню» народной жизни — «вызвать нам [...] нашу русскую Россию: не ту, которую показывают нам грубо какие-нибудь квасные патриоты, и не ту, которую вызывают к нам из-за моря очужеземившиеся русские» (VI: 196).

Мнение об «изолированности» Гоголя от полемики славянофилов и западников и представление о будто бы промежуточном, «межеумочном» положении писателя в этом противостоянии — являются, очевидно, несостоятельными. Роль Гоголя в современных ему движениях была исключительной. Можно с полным правом утверждать, что, будучи твердым славянофилом-государственником, он находился не между двумя партиями — «между стульями» славянофильства и западничества, но «выше» и того, и другого направления, т. е. по целому ряду вопросов превосходил не только далеких от него «европейцев», но и гораздо

более близких ему «восточников» — которые тоже не «дотягивали» до масштабности и объективности гоголевского видения, связанного с особым, образным мышлением, присущим Гоголю как мыслителю и художнику. «Быть поэтом», — замечал, в частности, Гоголь в 1845 г. в письме к Н.М. Языкову, — значит, в отличие от полемиста, бросать «целые беспредельные пространства мыслей» (XIII: 86).

Уместно в этой связи напомнить проницательные слова Ф.М. Достоевского о А.С. Пушкине из письма к Н.Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871 г.: «Так свистун Пушкин вдруг, раньше всех Киреевских и Хомяковых, создает летописца в Чудовом монастыре, то есть раньше всех славянофилов высказывает всю их сущность и, мало того, — высказывает это несравненно глубже, чем все они до сих пор»⁶⁴. Эти слова вполне применимы и к создателю «Тараса Бульбы».

Литература

Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1988. 704 с.

Аксаков К.С. Голос из Москвы (1848). Западная Европа и народность. [1849] / Подгот. текстов и примечания В.А. Кошелева // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. Вып. 1. СПб., 1992. С. 297–305.

Виноградов И.А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. М.: ИД «XXI век — Согласие», 2001. 776 с.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 1032 с.

Виноградов И.А. Гоголь и западное славянофильство: К постановке проблемы // Studia Litterarum. 2017. № 4. С. 182–207.

Виноградов И.А. Гоголь о поэзии и схоластике (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура: Пятнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

⁶⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1986. С. 207.

Виноградов И.А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

Виноградов И.А. Комментарий // Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 387–656.

Виноградов И.А. Космополит или патриот? Концепция патриотизма в спорах с Гоголем и о Гоголе // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2017. Т. 15. № 3. С. 35–69.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 2: 1829–1836. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 5: 1845–1847. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 928 с.

Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49–124.

Виноградов И.А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики. М.: ИМЛИ РАН (принято в печать).

Виноградов И.А. Неизвестная полемика Н.В. Гоголя о наследии М.Ю. Лермонтова // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 5–18.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Отеческое попечение: Император Николай I в судьбе Гоголя // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

Виноградов И.А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. Вып. 1. М.: Наука, 2007. С. 99–220.

Виноградов И.А. Славянофильство русское, польское и украинское: Н.В. Гоголь, А. Мицкевич и О.М. Бодянский // Гоголь и славянский мир: Шестнадцатые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2017. С. 69–77.

Виноградов И.А. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н.В. Гоголя к императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 5–22.

Виноградов И.А. Спор К.С. Аксакова и В.Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 393 с.

Гиллельсон М. Неизвестные публицистические выступления П.А. Вяземского и И.В. Киреевского // Русская литература. 1966. № 4. С. 120–134.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. Т. V, VI, VII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 680, 744, 816, 488, 704, 592, 608, 624, 936 с.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л. Ланского // Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 533–772.

Кошелев В.А. К.С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв. [Вып. 1]. СПб., 1992. С. 306–312.

Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 512 с.

Симонова И.А. Федор Чижов. М.: Молодая гвардия, 2002. 335 с.

Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: В 3 т. 1826–1837. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сентябрь 1836 / Сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 872 с.

References

Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849], ed. by T.F. Pirozhkova. Moscow, Nauka Publ., 1988. 704 p. (In Russ.)

Aksakov K.S. *Golos iz Moskvy (1848). Zapadnaia Evropa i narodnost'. 1849* [Voice from Moscow (1848). Western Europe and national ethos. 1849], ed. and notes by V.A. Koshelev. *Literatura i istoriia. (Istoricheskii protsess v tvorcheskoi soznanii russkikh pisatelei XVIII–XX vekov). Вып. 1* [Literature and history. (The historical process in the creative consciousness of Russian writers in the 18–20th centuries). Issue 1]. St. Petersburg, 1992, pp. 297–305. (In Russ.)

Gillel'son M. Neizvestnye publitsisticheskie vystupleniia P.A. Viazemskogo i I.V. Kireevskogo [Unknown publicistic articles by P.A. Vyazemsky and I.V. Kireevsky]. *Russkaia literatura*, 1966, no. 4, pp. 120–134. (In Russ.)

Gillel'son M.I. *P.A. Viazemskii. Zhizn' i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky. Life and work]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 393 p. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* T. V, VI, VII, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVII [Complete works and letters in 17 vols. (15 books)]. Vol. 5, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17], comp., ed. and comment. by I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. 680, 744, 816, 488, 704, 592, 608, 624, 936 p. (In Russ.)

Gogol' v neizdannoi perepiske sovremennikov (1833–1853) [Gogol in unpublished correspondence of his contemporaries (1833–1853)], publ. and comment. by L. Lansky. *Literaturnoe nasledstvo. T. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Literary heritage. Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, pp. 533–772. (In Russ.)

Khronika zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: V 3 t. 1826–1837. T. 3. Kn. 1: 1835 — sentiabr' 1836 [Chronicle of A.S. Pushkin's life and work: In 3 vols. 1826–1837. Vol. 3, book 1: 1835 — September 1836], comp. by G.I. Doldobanov, I.S. Sidorov. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 872 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov, zhizneopisanie v dokumentakh, v rassuzhdeniiakh i razyskaniakh* [Alexey Stepanovich Khomyakov, his biography based on documents, reasoning and research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. K.S. Aksakov i zapadnye revoliucii. Publicisticheskie stat'i 1848 g. [K.S. Aksakov and Western revolutions. Publicistic articles of 1848]. *Literatura i istoriia (Istoricheskii process v tvorcheskoi soznanii russkikh pisatelei XVIII—XX vv.)*. Вып. 1 [Literature and history. (The historical process in the creative consciousness of Russian writers in the 18–20th centuries). Iss. 1]. St. Petersburg, 1992, pp. 306–312. (In Russ.)

Simonova I.A. *Fedor Chizhov*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 335 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Aleksandr Ivanov v pis'makh, dokumentakh, vospominaniakh* [Alexander Ivanov in letters, documents, memoirs]. Moscow, XXI vek — Soglasie Publ., 2001. 776 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush"* [Blessed are the peacemakers. From the tale of two Ivans to the concept of "Dead Souls"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9: Philology*, 2017, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o dvukh Ivanakh k zamyslu "Mertvykh dush" (prodolzhenie)* [Blessed are the peacemakers. From the Tale of two Ivans to the concept of "Dead Souls" (continuation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 9: Philology*, 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Gogol' i zapadnoe slavianofil'stvo: K postanovke problemy [Gogol and the Western Slavophilia in critical perspective]. *Studia Litterarum*, 2017, no. 4, pp. 182–207. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Gogol' o poezii i skholastike (*K avtorskomu opredeleniiu zhanra "Mertvykh dush"*) [Gogol on poetry and scholasticism (On the author's definition of the "Dead Souls" genre)]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol's works and European culture. Fifteenth Gogol proceedings], ed. by V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: V 3 t. T. 2* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence. In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 1032 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. "Istoriia gosudarstva Rossiiskogo" v tvorcheskoi nasledii Gogolia ["The history of the Russian state" in Gogol's creative heritage]. *A.P. Sumarokov i N.M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII — pervoi treti XIX v.* [A.P. Sumarokov and N.M. Karamzin in the Russian literary process of the 18th — first third of the 19th century]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 141–183.

Vinogradov I.A. Kommentarii [Comment]. Gogol' N.V. *Taras Bul'ba: Avtografy, prizhiznennye izdaniia. Istoriko-literaturnyi i tekstologicheskii kommentarii* [Taras Bulba: Manuscripts, lifetime editions. Historical, literary and textual commentary], ed. by I.A. Vinogradov. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 387–656. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Kosmopolit ili patriot? Kontseptsiiia patriotizma v sporakh s Gogolem i o Gogole [Cosmopolitan or patriot? The concept of patriotism in disputes with Gogol and on Gogol]. *Problemy istoricheskoi poietiki*, Petrozavodsk, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 35–69. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 t. T. 2: 1829–1836* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852). In 7 vols. Vol. 2: 1829–1836]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. 672 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 t. T. 5: 1845–1847* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852). In 7 vols. Vol. 5: 1845–1847]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 928 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Literaturnaia propoved' N.V. Gogolia: pro et contra [N.V. Gogol's literary sermon: pro et contra]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 49–124. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Na poprishche polemicheskoi”: Gogol' — zhurnalist i publitsist [“In the field of polemic”: Gogol as a journalist and publicist]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki* [Essays on the history of Russian journalism]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ. (in print). (In Russ.)

Vinogradov I.A. Neizvestnaia polemika N.V. Gogolia o nasledii M.Iu. Lermontova [N.V. Gogol's unknown polemic on M.Yu. Lermontov's heritage]. *Svetskaiia i dukhovnaia slovesnost' v Rossii XVIII–XIX vekov* [Secular and spiritual literature in Russia of the 18–19th centuries], ed. by M.I. Scherbakova. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 5–18. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Ogorchennye liudi” v tvorchestve N.V. Gogolia [“Distressed people” in N.V. Gogol's works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29–114. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Otecheskoe popechenie: Imperator Nikolai I v sud'be Gogolia [Paternal care: Emperor Nicolas I in Gogol's fate]. *Studia Litterarum*, 2016, vol. 1, no. 1–2, pp. 269–277. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Poema “Mertvye dushi”: problemy istolkovaniia [The epic poem “Dead Souls”: problems of interpretation]. *Gogolevskii vestnik. Vyp. 1* [Gogol herald. Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 99–220. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Slavianofil'stvo russkoe, pol'skoe i ukrainskoe: N.V. Gogol', A. Mitskevich i O.M. Bodianskii [Russian, Polish and Ukrainian Slavophilism: N.V. Gogol, A. Mickiewicz and O.M. Bodyansky]. *Gogol' i slavianskii mir: Shestnadcatye Gogolevskie chteniia* [Gogol and the Slavic world. Sixteenth Gogol proceedings], ed. by V.P. Vikulova. Moscow, Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom Publ., 2017, pp. 69–77. (In Russ.)

Vinogradov I.A. “Spasen ia byl Gosudarem”. Neizvestnoe pis'mo N.V. Gogolia k Imperatoru Nikolaiu Pavlovichu i ego otnoshenie k monarkhii [“I was saved by the Sovereign”. N.V. Gogol's unknown letter to the Emperor Nikolay Pavlovich and his attitude to the monarchy]. *Literatura v shkole*, 1998, no. 7, pp. 5–22. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Spor K.S. Aksakova i V.G. Belinskogo: Kul'turno-istoricheskie aspekty polemiki o zhanre “Mertvykh dush” [The dispute of K.S. Aksakov and V.G. Belinsky: Cultural and historical aspects of the polemic on the “Dead Souls” genre]. *Gogoleznavchii studii. Gogolevedcheskie studii*. Nezhin, 2012, iss. 2 (19), pp. 17–75. (In Russ.)

The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view

© 2019, Igor Vinogradov

Abstract: The article determines Gogol's place in the confrontation of Slavophiles and Westernizers. An extensive historical and literary material is drawn to characterize the Slavophil and Western movements of Russian thought, and individual features of their similarities and differences are analyzed. The main attention is paid to Gogol's attitude to both ideologies. The views of the leading representatives of Slavophilism, friends of the writer — Sergey Aksakov, his sons Konstantin and Ivan, I.V. Kireevsky, A.S. Khomyakov, M.P. Pogodin, S.P. Shevyrev and others — are considered. The “points of contact” of the views of the Slavophiles with those of their Westernist opponents V. Belinsky, A. Herzen and others are revealed. In the 19th century, which developed mainly under the sign of Decembrism, not only Westernizers, but also Slavophiles were imbued with radical transforming ideas. It is established that Gogol's principal feature as a thinker and artist is that according to his views he was not “between” the opposing currents — “between the chairs” of Westernism and Slavophilism (as is commonly thought) — but “above” these and other movements, being the follower of more traditional and conservative, more “right” religious and political convictions, compared not only with Westernizers, but also with his fellow Slavophiles. Not sharing the views of Westernizers who were far from him in terms of the worldview, Gogol was also critical of certain representatives of the Slavophil party to which he himself belonged. Objecting to the oppositional moods of his friends, Gogol, following N.M. Karamzin and S.S. Uvarov, put at the center of the Slavophilism the interests of Russia as a unique state of the only Slavic people, who retained its independence and originality in history. This gives grounds to characterize Gogol in the context of social movements of his era as a staunch Slavophile “statesman”.

Keywords: Gogol, biography, creativity, public ideology, Westernism, Slavophilism, interpretation, hermeneutics, a spiritual heritage

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. of Philology, Senior Research Fellow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. The phenomenon of Westernism in Slavophilism: Gogol's view. *Literary fact*, 2019, no. 2 (12), pp. 189–224. DOI 10.22455/2541-8297-2019-12-189-224